

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТНР И МНР: ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ «ЧАСТИ ТУВИНСКОГО НАРОДА»

И. В. Отрощенко

Аннотация: Статья анализирует попытки тувинских политиков времен ТНР поставить вопрос о возвращении монгольских тувинцев на землю предков. В статье приводятся неизвестные и малоизвестные факты из истории двусторонних отношений — Тувы и Монголии первой трети XX в.

Ключевые слова: Тува, Монголия, дархаты, ламы, тувинцы, монголы, тувинско-монгольские отношения, монгольские тувинцы, ТНР.

16 августа 1926 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение между Монгольской народной республикой и Тувинской народной республикой о дружбе, взаимном признании независимости обеих стран и обмене дипломатическими представительствами. Монгольская элита вынуждена была признать ТНР под советским давлением. IV Великий Хурал ТНР, открывшийся во второй половине ноября 1926 г., ратифицировал августовское соглашение между МНР и ТНР. На этом же хурале поднимался вопрос о присоединении к Монголии, но он не получил поддержки большинства делегатов. При этом между двумя республиками оставалось много нерешенных вопросов и не только в сфере демаркации.

Монголии было тяжело смириться с потерей Тувы. Национальные демократы во главе с Б. Цэрэндоржем, при участии Ц. Дамбадоржа, А. Амара, Ц. Жамцарано, продолжали отстаивать позицию «Урянхай — часть Монголии» и своими настойчивыми призывами к объединению охватывали и молодежь. По этому вопросу разногласий между монгольскими

Отрощенко Иванна Витальевна - доктор исторических наук, старший научный сотрудник; ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, г. Киев.

политиками будто и не существовало. Наоборот, «осуществление идеи объединения как бы создавало благодарную славу для участников» (Российский государственный архив социально-политической истории, далее — РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, ед. хр. 40, л. 14–15). Исключение составляли худонцы — оппозиция левого направления (представители которой пришли к власти в МНР в конце 1928 г.). Такие настроения монгольской элиты не способствовали развитию плодотворного сотрудничества с Тувой.

Тувинские правые¹, напротив, всячески старались наладить двусторонние отношения. В информационной записке, посвященной политическому состоянию ТНР (6.08.1928) Г. Банзаракцаев², в частности, сообщал, что правые по отношению к Монголии настроены весьма лояльно и весьма желают вступить в переговоры. «Очень их нервировало игнорирующее отношение монгольского правительства к ТНР (формальное признание независимости ТНР). Наконец весной н/года тувинцы решили переговоры начать с другого конца, т/е создать скандал на южной границе, по-слав на спорную зону своих цириков. Они были уверены в том, что после споров придти к дружбе возможно. Как мы видим в данное время после пограничных инцидентов под этим предлогом начинаются налаживаться взаимоотношения (обмен миссиями)», — заключал Г. Банзаракцаев и подытоживал, что в дальнейшем возможны довольно тесные связи с МНР и инициаторами в этом вопросе будут правые (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 26, л. 6). По его мнению, ТНР, почувствовав некоторую устойчивость, пытается отходить от советского влияния, и такая политика проводится г.о. правыми элементами страны³. Политика же равной коалиции в руководстве страной или, вернее, внеклассовая политика ведет к усилению мощи правых (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 26, л. 10).

Возможно, элементом такой внешней политики тувинских правых неожиданно стал вопрос возвращения «торхатов» как «части тувинского народа». «Торхаты» — по-видимому, дархаты (монг. — дархад) — одна из этнографических групп монголов, которые проживают в северо-западной части Хубсугульского аймака. Дархаты монголоязычны. В их составе выделяются тюркские, самодийские, тунгусские и монгольские компоненты. С 1815 г. дархаты принадлежали к шабинарам⁴ богдо-гегена, то есть управлялись ламами, назначенными владыкой. Российский исследователь Г.Грум-Гржимайло, который посетил Западную Монголию и Туву в 1903 г., утверждал, что, несмотря на подчинение дархатов юрисдикции хутухт, на одинаковых с остальными шабинарами правах, они оставались за границей монгольских караулов, отделявших монгольские земли

от урянхайских. Во второй половине XIX в. дархатов судили за уголовные преступления по общему монгольскому уложению, но Г. Грумм-Гржимайло рассматривал их в разделе, посвященном Урянхаю. По его данным, дархатов насчитывалось 4500 чел.; в их одежде, быту и обычаях заметно сильное монгольское влияние (Грумм-Гржимайло, 1926: 180, 183; см. также: Шишмарев, 2007; Санжеев, 1930).

Некоторые исследователи даже полагали, что существовал отдельный тувинский хошун — Дархатский — в районе озера Косогол (Хубсугул). Он был населен омонголившимися тувинцами, которые утратили свой родной язык и говорили на монгольском. Вопрос об отношении этого хошуна к дореволюционной Туве остается неясным, скорее можно считать его составной частью Монголии, — писал советский исследователь Р. Кабо (Кабо, 1934: 64). Кочевья Хазутского (до 1878 г. — Хубсугульского) хошуна располагались в районе озера Хубсугул и западнее его (бассейн р. Шишкита) (см. также: Венюков, 2007: 352–353). Эту местность, по словам Г. Грумм-Гржимайло, и населяла та часть урянхайской народности, которая именуется дархатами (Грумм-Гржимайло, 1926: 20–21). Известный путешественник и исследователь Г. Потанин считал, что дархаты, которые обитали в долине Шишкита, возможно, именно омонголившиеся урянхайцы (Потанин, 1883: 653). Выдающийся советский монголовед А. Симуков отмечал, что дархаты живут в районе к западу от Хубсугула, урянхи — к востоку от этого озера (Симуков, 2007: 499).

По словам известного тувинского историка М. Маннай-оола, на карте расселения обитателей дореволюционной Монголии в музее г. Мурэн⁶ район Хубсугула показан как часть территории Тувы (Маннай-оол, 1995: 63; см. также: Монгуш, 2010: 209). По его словам, до 1878 г. исторические предки современных дархатов пребывали в составе Хазутского хошуна Тувы. У 1878 р. нойоны (нойонами этого хошуна назначались не тувинцы, а монголы) добились специальной печати от Улясутайского генерал-губернатора⁷. В том же году этот хошун оторвался от Тувы, перешел в ведение Цинской династии в Улясутае и вошел в состав Северной Монголии, но сохранил пригранично-налоговые повинности и относительно амбын-нойона (Саая, Сат, 2006: 8–9). Грумм-Гржимайло писал, что Хазутский хошун в административном плане стоит отдельно, не подчиняется амбын-нойону и управляется огурдой самостоятельно (Грумм-Гржимайло, 1926: 151).

Есть данные, что нойон Хазутского хошуна еще до Учредительного хурала обращался к Народному правительству с просьбой принять его

хошун в состав Монголии (Шойгу, 2001: 101). 14 августа 1921 г. Учредительный хурал тувинского народа постановил исключить из состава Тувы Хазутский хошун, как пребывающий в составе Монголии. Инициатор созыва Учредительного хурала И. Сафьянов 23 августа 1921 г. в письме монгольскому чиновнику сообщал: «На съезде были объединены все хошунны, кроме Хазутского, который совершенно исключен из состава народа Танну Тува» (Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ. Ф. Р–1005, оп. 3, ед. хр. 87в, л. 3). Такое решение воспринимается современными тувинскими исследователями неоднозначно: кто-то сожалеет о таком шаге, кто-то приводит его как пример решения национального вопроса, налаживания добрососедских отношений. Был и другой взгляд на решение этой проблемы. Так, западный исследователь П. Тан отмечал, что Москва пошла навстречу пожеланиям монголов лишь в незначительном пункте. Маленькая, малозаселенная полоса территории (приблизительно 16000 кв. км) под названием «Дархат», на запад от озера Косогол была отдана Внешней Монголии (Tang, 1959: 417). Мол, немедленно после этого, в 1925 г., миссия в Москве заключила, без дальнейших территориальных изменений, соглашение о дружбе между ТНР и МНР, по примеру советско-монгольского соглашения 1921 г.

А вот как описывал эту запутанную историю, по-видимому, со слов тувинских политиков, полпред СССР в Туве А. Старков: «Торхаты расположены в восточной части, ок. 400 в. от Кызыл-хото и являются частью тувинского народа. В 1911, когда Урянхай российским правительством был окончательно взят под свое покровительство и по ряду еще некоторых внутренних осложнений в последующие годы торхаты произвольно отклонились от основной своей части и некоторое время представляли нечто вроде самостоятельную единицу, но через непродолжительное время, Монголия их прибрала к рукам и теперь формально они подчинены Монголии. Тувинцы, находясь в угаре революционных событий до 1926 г. как-бы забыли. С 1926 г. временами можно было отмечать отдельные толкования, но не дающие ничего определенного и только в конце 1927 г. правительство вполне серьезно стало говорить о возврате в свое подчинение торхат» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 63–64).

Из рассказа А. Старкова мы узнаем следующее. В 1926 г. на банкете, устроенном монгольским правительством в честь тувинских коллег, в беседе один из членов монгольского кабинета заметил, что тувинцы заняли в районе «Ирзын-Тесь» [Эрзин-Тес. — И. О.] часть территории Монголии. Тувинский премьер К. Дондук парировал, что «монгольское правитель-

ство взяло от тувинцев целое племя торхаты» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 64). Несмотря на то, что вопрос был поставлен прямо, никто из членов монгольского правительства, присутствующих на банкете, ничего не ответил, обошли молчанием. Поэтому тувинское правительство, не надеясь на то, «что Монголия торхат возвратит без возражений», решило действовать следующим способом: весной 1928 г., не позднее мая, планировалось отправить к дархатам 2–3 посланцев. Последние под видом собирающих пожертвования лам должны были узнать про настроения дархатов, ознакомиться с внутренним положением, управлением и рядом других вопросов. На миссию отводилось 2 месяца. Во главе разведки намечался начальник Управления Государственной Внутренней Политической Охраны (УГВПО)⁸ С. Чурмит-Дажи, бывший лама и будущий премьер-министр ТНР (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 64). В последующем предполагалось послать в «Торхаты» группу из 15 человек, которые, прибыв к границе, должны разделиться на несколько партий, а дальше по одному человеку рассыпаться по всей территории, занимаемой дархатами и вести среди последних агитацию за их присоединение к ТНР. Тувинское правительство в свою очередь поведет с монгольскими коллегами официальные переговоры о возврате народа. Надеялись, что в результате успешной работы упомянутой группы в случае проведения среди дархатов плебисцита, последние проголосуют за присоединение к Туве. По словам Старкова, предположения в этом направлении со стороны тувинского правительства вполне серьезные, и план начнет осуществляться не позднее мая 1928 г. Инициаторами замысла были премьер-министр К. Дондук и его заместитель С. Талха-Сюрюн (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 65).

Стоит заметить, что этот план, при кажущейся необычности, не был оригинальным. Использование странствующих лам как разведчиков и агитаторов было общей практикой для монгольского национального движения в первой трети XX века. Так, например, в 1926 г. по Синьцзяну ходил «целый ряд “лам”, рассказывающих пророчества, по которым якобы пришло время объединения монгол» (цит. по: Россов, 2002: 56). Ламы, которые приезжали из Монголии, оставались при монастырях, рассказывали местным монголам о независимой Монголии и о всех событиях, которые там происходят. Несмотря на суровый приказ арестовывать всех, кто приезжал из Кобдо и Улан-Батора в Синьцзян, движение через границу не прекращалось и ламы из МНР продолжали странствовать по монгольским сомонам Синьцзяна (Отрощенко, 2010: 72–73).

Возвратимся к инициаторам замысла по возвращению «части тувинского народа». К. Дондук и С. Талха-Сюрюн представляли тувинских правых. К. Дондук в юности в течение трех лет учился в Урге, в монастырской школе, получил ученую степень гебши. Потом он бросает обучение, возвращается домой и становится ведущим ламой Чаданского хуре (Ондар, 2010: 162). В 1923 г. Куулар Дондук становится первым главой Президиума Малого Хурала Тувы, работает на этой должности до 1925 г. В 1924 г. во время Хемчикского восстания он подвергнулся аресту со стороны повстанцев, но впоследствии ими же был освобожден (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). Как председатель Хемчикского партийного комитета, К. Дондук писал в январе 1925 г., что тувинский народ происходит из того же племени, что и монголы; сам народ малочисленный и бедный: «Поэтому ему необходимо присоединиться к Монголии, чтобы осуществить свои права и свою свободу» (цит. по: Нацов, 1930: 102). В 1925–1927 гг. К. Дондук возглавлял правительство ТНР. За время своей стремительной политической карьеры он неоднократно выступал за присоединение Тувы к Монголии. Со временем, в объяснительной записке относительно собственной «антипартийной деятельности» Дондук отмечал: «Мысль о том, что я в 3 году, будучи главой Малого хурала, разделял мнение министров Оруйгу и Нимажап про присоединение Тувы к Монголии, что свое мнение письменно оформил — это правильно. Свое мнение о присоединении Тувы к Монголии я ни от кого не скрывал» (цит. по: Саая, Сат, 2006: 154). 22 июля 1925 г. во время пребывания в Москве первой тувинской правительственной делегации во главе с К. Дондуком, было заключено соглашение между СССР и Народной Республикой Танну-Тува. Когда в ходе этого визита К. Дондук на заседании Отдела Дальнего Востока Коминтерна снова поднял вопрос о целесообразности объединения двух республик — МНР и Танну-Туву, член Президиума ИККИ Сен Катаяма ответил, что такая постановка вопроса неприемлема, наоборот — сотрудничество на условиях равноправных договоров отвечает требованиям современности (Сердобов, 1971: 79). Позднее Дондук признавался, что довольно подробно изложил свою точку зрения по поводу присоединения Тувы к Монголии «в Восточном Секретариате Коминтерна... и получил от них отрицательный ответ» (цит. по: Ондар, 2010: 163). В характеристике, составленной полпредом СССР в Туве Старковым, Дондук был назван националистом. Старков также писал: «По характеру человек немного застенчив, но вспыльчив. За последнее время в работе Правительства старается занять диктаторское положение» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66).

С. Талха-Сюрюн, гун-нойон, житель Тесгольского хошуна, член партии, образованный и зажиточный, среди населения пользовался авторитетом; в период существования народного правительства, будучи представителем хошуна, «осаждал правительство грамотами о том, что народ его хошуна выражает желание присоединиться к Монголии» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 67). В 1926 г. работал в полпредстве ТНР в Москве. По словам Старкова: «По сие время через посредство торговых сношений имеет связь с Монголией. За последнее время придерживается национального толка» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 67). В 1926–1927 гг. С. Талха-Сюрюн — заместитель премьера и член Политбюро ТНРП.

Как видим, оба политика к монгольскому государству относились с симпатией. Когда окончательно стало ясно, что объединения Тувы с Монголией на федеративных или иных началах не предвидится, тувинская политическая элита оказалась перед необходимостью урегулирования ряда вопросов с МНР, в первую очередь — делимитации и последующей демаркации границы, а также решения проблем приграничного населения, возникающих вслед за таким разграничением. И Дондук, и Талха-Сюрюн в своих петициях 1924–1925 гг., призывающих к объединению с Монголией, акцентировали внимание, в частности, на малочисленности тувинского народа. Возможно, из этого осознания и возникла идея вернуть тувинцев, осевших на монгольской территории. Характерно, что первые упоминания об этом имели место в 1926 г., когда было подписано соглашение между МНР и ТНР о взаимном признании независимости. Но, повторимся, не исключено, что этот вопрос был как бы провоцированием монгольской стороны, чтобы подтолкнуть ее к диалогу и выстраиванию новых двусторонних отношений.

Однако, похоже, в результате изменения политической конъюнктуры у авторов этого плана не оказалась времени для его реализации. Судя по имеющейся информации, в 1928 г. К. Дондук уже не был премьер-министром, хотя продолжал занимать ответственные посты в государстве. IV съезд ревсомола⁹, проходивший в Туве с 24 декабря 1928 г. по 2 января 1929 г. внес коррективы в экономическую политику власти. Правые без боя сдались и на съезде ревсомола, и на пленуме ЦК партии, который прошел вслед за съездом с 7 по 11 января 1929 г. Пленум принял резолюцию, изменяющую внутреннюю политику Тувы и утвердил все решения IV съезда ревсомола. Из политбюро ТНРП были выведены все правые (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 35). После VIII съезда (1929 г.) бывшие лидеры правых поголовно были исключены из партии. Следующим

премьер-министром и министром иностранных дел ТНР стал С. Чурмит-Дажи (1929–1938).

Что же касается дархатов, то сейчас они в общем количестве 21558 человек (по данным 2010 г.) проживают в Хубсугульском аймаке Монголии (см.: Маннай-оол, 1995; Решетов, 1995–1996: 113, 117; Darkhat, 2009: Электр. ресурс). Тувинцы Хубсугульского аймака владеют тувинским языком, а также свободно говорят на дархатском диалекте монгольского языка, их дети учатся в монгольских школах (Монгуш, 2010: 224).

Вопрос возвращения монгольских тувинцев поднимался в дальнейших двусторонних переговорах. После прихода к власти монгольских левых (1928–1932) наступил некоторый период активизации в монголо-тувинских отношениях, инициированный монгольской стороной. Осенью 1929 г. в Улан-Баторе делегация ЦК ТНРП вела с ЦК МНРП переговоры о налаживании обмена опытом партийной и государственной работы. Помимо этого, тувинская сторона просила, чтобы МНР не возражала, если монгольские тувинцы пожелают сменить свое гражданство на тувинское. Договор между МНРП и ТНРП, заключенный 18 октября 1929 г. в Улан-Баторе, гласил: партии предпримут все меры для дружеского решения всех политических, экономических и культурных вопросов, возникающих между республиками, в частности, для быстрейшего решения спорных вопросов, касающихся установления границ. Соответственно, было решено облегчить торговые связи незажиточного аратского населения, не носящие спекулятивный характер. О пожелании тувинских партийцев, чтобы монгольская власть не препятствовала тувинцам, перешедшим в подданство МНР, если они пожелают обратно перейти в подданство Тувы, речь шла в примечании к договору. Монгольская сторона считала, что: 1) оно не соответствует решениям съездов МНРП о равноправии малых племен, входящих в МНР; 2) Монголия защищает интересы аратов и надеется, что из аратской среды никто не пожалуется на те или иные притеснения; 3) значительное количество хозяйств граждан СССР и Китая перешли в монгольское подданство. При сложной международной обстановке, в которой находятся СССР и МНР, не исключена возможность недовольства отдельных элементов. Поэтому в настоящий момент этот вопрос не подлежит обсуждению (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, ед. хр. 90, л. 62).

16 марта 1930 г. в Улан-Баторе был подписан протокол совещания секретарей ЦК обеих партий относительно определения границ между республиками. Решили создать паритетную комиссию из представителей правительств МНР и ТНР (Саая, 2003: 170). Хотя комиссия должна была

устанавливать границу с учетом хозяйственного тяготения того или иного населенного пункта, национального момента, старых документов, но в дополнении к протоколу указывалось: желательно, чтобы пограничные вопросы рассматривались не по принципу религиозно-национальных устоев и старых маньчжурских границ, а по принципу всестороннего культурного развития аратских масс и их хозяйств. В то же время подчеркивалось, что тувинские и монгольские араты не являются одним этносом, поэтому каждая из сторон должна развивать собственную культуру, а также углублять взаимные связи, чтобы побороть все существующие осложнения в процессе исполнения заданий социалистического развития (там же: 171). Возможно, такие противоречивые, подкрепленные риторикой классовой борьбы, положения в документах отражают позицию тувинской стороны, следовавшей советским директивам. Так, этносы разные, но по национальному признаку границу определять не стоит. Поскольку южная часть Тувы осталась монголизированной, похоже, тувинская власть боялась потерять такие конфликтные сумоны. В неофициальной беседе с тувинским коллегой секретарь ЦК МНРП О. Бадрах заметил: «Если мы будем учитывать мнение самих аратских масс, то выйдет большое противоречие между Тувой и Монголией вплоть до столкновения» (цит. по: Саая, Сат, 2006: 217).

До решения спорных вопросов, связанных с проведением границы, дело дошло только в 1932 г. Общее заседание правительственных комиссий МНР и ТАР¹⁰ по решению пограничного вопроса между двумя республиками, 4 июля 1932 г. рассматривало проблему приграничного населения (монгольского и тувинского), которое оказывается при разграничении на территории той или другой республики. Комиссии постановили: исходя из того, что Монголия и Тува ставят перед собой одинаковые задачи и развиваются по некапиталистическому пути, предоставить полное право гражданам, которые переходят при установлении границы в состав МНР или ТАР, самим решать вопрос относительно подданства и пребывания в составе той или иной республики. Такой переход становился возможным после принятия указанного постановления двумя правительствами, но не позднее 1 мая 1933 г. Гражданам, переходящим при установлении границ в состав той или иной республики, и гражданам, желающим получить новое гражданство, гарантировались все права и свободы, предоставленные законодательством этой республики, а также возможность учиться родному языку. Это положение должно было вступить в силу после утверждения правительствами обеих республик (Протокол № 3) (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 4).

По протоколу № 3 мы видим, что гражданам, которые переходят при установлении границы в состав МНР или ТАР, было разрешено самим решать вопрос относительно подданства, правда, в течение короткого промежутка времени. Остается предположить, что данный вариант не был утвержден (как мы знаем, проблемы с ратификацией возникли у монгольской стороны¹¹), но граница 1932 года все же стала реальностью. Скорее всего, соглашение 1932 г. действовало не полностью: граница преимущественно была определена, но вряд ли приграничному населению предоставили право свободного выбора гражданства. Как известно, тувинская власть всячески препятствовала эмиграции в Монголию, которая, в частности в 1932 г., имела место в пограничных сумонах всей южной полосы Тувы. МНР также теряла людской ресурс за счет активизировавшейся с начала 1930-х гг. эмиграции своих граждан уже во Внутреннюю Монголию и Синьцзян. Судя по жалобам монгольской стороны, приграничному населению, оставшемуся в Монголии, даже непросто было пользоваться охотничьими, водными, лесными угодьями и выгонами для скота, которые оказались на тувинской территории¹². То ли не были заключены намеченные конвенции, регламентирующие эти вопросы, то ли после установления выгодной границы тувинское правительство посчитало дальнейшие шаги в этом направлении излишними. Забегая наперед, заметим, что 31 мая 1941 г. в ходе беседы наркома иностранных дел СССР В. Молотова с заместителем председателя совета министров МНР Сурунжапом последний сообщил, что на некоторых участках нет твердо согласованной и хорошо обозначенной линии границы, и там монгольское и тувинское население проживает смешанно (Документы внешней политики... 1998: 712).

Интересный архивный документ (в частности, в контексте данного исследования) обнаружила известная тувинская исследовательница М. Монгуш. Это отчет ламы Верхне-Чаданского хурэ о поездке в Синьцзян, осуществленной им осенью 1935 г. (Монгуш, 1995: 35). По тайному поручению органов госбезопасности ТНР лама под псевдонимом Чойган проник к своим бывшим соотечественникам, которые добровольно покинули Туву после революционных событий. Цель его поездки состояла в сборе детальной информации о положении бывших граждан ТНР. По словам М. Монгуш, привлекает внимание тот факт, что в отчете тайного агента есть лишь данные про тех, кто когда-то бежал из Тувы, и нет упоминаний о тувинцах, которые жили в Синьцзяне постоянно; по-видимому, лама Чойган, имея вполне конкретное задание, не считал нужным выяснять подробности другого характера (Монгуш, 1995: 37). Лама тщательно опи-

сывал расположение, имущественное положение, настроения конкретных тувинских семей в Алтайском округе Синьцзяна. Объяснить такое задание можно, по нашему мнению, двумя причинами. С одной стороны, ряд мятежников, которые бежали после Хемчикского восстания, находились в Синьцзяне. Их, якобы, в Туве ожидают как национальных героев, которые должны спасти страну от «аратской» диктатуры (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 33). По данным УТВПО, указанные лица занимали в провинции Синьцзян руководящие должности. Дескать, вполне очевидно, что в будущем их планируют использовать для реализации своих целей в Туве. Возможно, тувинская власть по этой причине следила за бывшими согражданами. С другой стороны, нельзя абсолютно исключить предположение, что и в 1930-е гг. тувинские правители не оставляли надежд вернуть бывших соотечественников.

Возвращаясь к монголо-тувинским отношениям, заметим, что даже согласие монгольской стороны отпустить желающих изменить гражданство тувинцев вряд ли поспособствовало бы их возвращению в Туву. В те непростые времена тувинцы если и уходили из МНР, то в направлении Синьцзяна, вместе с казахами и западными монголами. Тувинская элита неоднократно старалась привлечь внимание монгольской стороны, ожидая искреннего признания, но конфликты на границе, уклонение обеих сторон от исполнения достигнутых договоренностей в полном объеме и стремление тувинской власти вернуть монгольских тувинцев не упростили двусторонние отношения. На повестке дня стоял затяжной переговорный процесс о пограничном размежевании, который так и не был завершен в течение 1930-х гг.

Список литературы:

Венюков, М. И. (2007) Опыт военного обозрения русских границ в Азии // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы. Текст в 7 т. / Составитель: С.К. Шойгу. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхия к Танну-Туве. М. : Слово. С. 328–363.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. I. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л. : Типография Главного Ботанического Сада.

Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. (1998) Т. XXIII. Кн. 2 (2): 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М. : Международные отношения.

История Тувы (2007). Новосибирск : Наука. Т. II.

Кабо, Р. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во.

Маннай-оол, М. Х. (1995) Дархаты: некоторые этнографические данные // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Вып. XVIII.

Монгуш, М. В. (1995) Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Вып. XVIII. С. 30–55.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ — три судьбы : Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей Этнологии.

Нацов, С. (1930) Правая опасность в Тувинской народно-революционной партии // Жизнь Бурятии. № 1. С. 101–108.

Ондар Е. М. (2010) Первый председатель Президиума Малого Хурала Тувинской Народной Республики Куулар Дондук // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 2. С. 166–166.

Отрощенко І. В. (2010) Монголія, Радянський Союз та монголи Сіньцзяну (1920-ті роки) // Східний світ. № 2. С. 62–78. (На укр. яз.).

Попов, В. Л. (2007) Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы. Текст в 7 т. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве / составитель: С. К. Шойгу. М. : Слово. С. 386–450.

Потанин, Г. П. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб.

Решетов, О. (1995–1996) Подорож до урянхайців Прихубсугуля // Східний світ. 1995 (№ 2) – 1996 (№ 1). С. 113–120. (На укр. яз.).

Росов В. А. (2002) Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. I: Великий План. СПб.; М. : Алетейя.

Саая, С. В. (2003) Россия — Тува — Монголия: “центрально-азиатский треугольник” в 1921–1944 гг. Абакан : Тип. ООО Кооп. Журналист.

Саая, С. В., Сат, С. Ч. (2006) Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан : Хакасское кн. изд-во.

Самдан, А. А. (2001) Монголоязычные источники по истории Тувы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Санжеев, Г. Д. (1930) Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году / Материалы комиссии по исследованиям Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 10. Л. : Издательство Академии наук СССР.

Сердобов Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское книжное издательство.

Симуков, А. Д. (2007) Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака Государственный музей этнологии.

Шишмарев, Я. П. (2007) Сведения о дархатах-урянхах ведомства Ургинского Хутукты // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы. Текст в 7 т. / Составитель: С.К. Шойгу. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве. М. : Слово. С. 78–86.

Шойгу К. С. (2001) Перо черного грифа. Невыдуманные рассказы старожила

Тувы о своей малой Родине. Кызыл : Новости Тувы.

Darkhat (2009) [Электронный ресурс] // Ethnologue: Languages of the World / Lewis, M. Paul (ed.). Sixteenth edition. – Dallas. URL: http://archive.ethnologue.com/16/show_language.asp?code=drh (дата обращения: 23.07.2015).

Tang, P. S. H. (1959) Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931. Durham, NC : Duke University Press.

Дата поступления: 10.08.2015 г.

¹ Лидерами правых в 1926–1928 гг. считались премьер-министр К. Дондук, его заместитель С. Талха-Сюрюн, М. Нимажап, председатель Президиума Малого Хурала ТНР, относили к правым и М. Буян-Бадыргы, и О. Соднома, генсека ЦК ТНРП. Другое определение, встречающееся по отношению к этим политикам в документах того времени – «националист», «примыкает к национальному течению» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66–68).

² В середине 1920-х гг. из Москвы в Туву был откомандирован квалифицированный переводчик — Г. Банзаракцаев. Его заданием было способствовать развитию тамошних монголоязычных СМИ. Переводческой деятельностью Банзаракцаев не ограничивался и снабжал Исполком Коминтерна информацией об общественно-политических настроениях в ТНР.

³ Характеризуя тувинских правых, Банзаракцаев отмечал, что последние, в борьбе с «отдельными левыми товарищами», пускают в ход обвинения в безбожии и русофильстве.

⁴ Шабины (от монг. шавь) — подчиненное церкви население. Эта общественная группа образовалась путем передачи значительного количества основного населения Монголии от князей монастырям.

⁵ Так, русский офицер В. Попов, в своем роде специалист по «урянхайскому вопросу», перечисляя тувинские хошуны, называл и Хазутский, и Дархатский (больше см.: Попов, 2007: 428). В. Попов напоминал, что граф А. Беннигсен насчитывал в Дархатском хошуне 8700 душ, а в Хазутском — 3000 душ (там же: 433).

⁶ Город Мурэн — центр Хубсугульского аймака Монголии.

⁷ Некоторые подробности сообщает тувинская исследовательница А. Самдан. По тувинским летописям, правитель хубсугульских урянхайцев ухерида Гуругунджав принимал активное участие в реконструкции крепости г. Улясутай. В награду в сентябре 1878 г. ему удалось получить свой хошун в самостоятельное управление, и он стал называться князем Хазутского хошуна (Самдан, 2001: 16–17).

⁸ УГВПО была создана 17 июля 1925 г. на внеочередном заседании ЦК ТНРП. По положению 1926 г., перед УГВПО ставились задания анализа внутривнутриполитической ситуации, борьбы с политическими противниками и уголовными преступниками, со шпионажем, а также охраны государственных границ и прекращения контрабанды (История Тувы, 2007: 135).

⁹ Ревсомол — имеется ввиду Тувинский революционный союз молодежи.

¹⁰ ТАР — Тувинская Аратская Республика (1930–1944).

¹¹ Решения упомянутых комиссий не были утверждены монгольским правитель-

ством, так как фиксировали большие уступки, сделанные Туве (Совет Министров утвердил решения, но Малый Хурал не ратифицировал их, и монголы считали, что эти решения для них не обязательны (Документы внешней политики... 1998: 712)).

¹² Обе комиссии в качестве временных мер считали необходимым: 1) Предоставить право пограничному населению пользоваться охотничьими, водными, лесными угодьями и выгонами для скота в местностях, которые переходят в состав территории той или другой республики, но раньше находились в фактическом пользовании этого пограничного населения; 2) Вопрос о порядке и условиях предоставления прав приграничному населению пользоваться охотничьими, водными и лесными угодьями и выгонами для скота, связанный с реализацией пункта № 1 настоящего постановления, должен быть решен заключением особой конвенции между правительствами двух республик. Комиссии высказали пожелание о необходимости заключения такой конвенции к началу января 1933 г. (Протокол № 4). В частности, так как Соляную гору было решено включить в состав территории ТАР, приграничному (местному) населению МНР предоставлялось право пользоваться (безоплатно) солью для насущных нужд (Протокол № 1, 2.06.1932) (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 2).

FROM THE HISTORY OF PEOPLES REPUBLIC OF TUVA AND PEOPLES REPUBLIC OF MONGOLIA MUTUAL RELATIONS: THE ISSUE OF RETURNING “THE PART OF TUVAN PEOPLE”

I. V. Otroshchenko

Abstract: Article is an attempt to analyze the attempts of Tuvan politicians in the Peoples Republic of Tuva in raising the issue of returning the Mongolian Tuvans to the land of ancestors. Article reveals the unknown and obscure facts from the history of bilateral relations of Tuva and Mongolia in early 20th century.

Keywords: Tuva, Mongolia, Darkhad, lama, Tuvans, Mongols, Tuvan-Mongolian relations, Mongol Tuvans, Peoples Republic of Tuva.